

Исследовательская статья

УДК 008

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-2-30-153-164>

КТО БЫЛ ПРООБРАЗОМ АГЛАИ ЕПАНЧИНОЙ?

Никита Всеволодович Шевцов¹, Александра Сергеевна Нестерова²

^{1,2} МГИМО МИД России, Москва, Россия

¹ n.shevtsov@my.mgimo.ru

² a.nesterova@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0001-5527-1957>

<https://orcid.org/0009-0006-5108-9860>

Аннотация. Актуальность обращения к анализу литературных произведений на фоне биографий реальных исторических личностей обусловлена прежде всего необходимостью уточнения культурного фона, концентрированно представленного в художественном преломлении. Цель данного исследования — проследить параллели в судьбах героини романа «Идиот» Аглаи Епанчиной и писательницы Анны Корвин-Круковской. Для достижения данной цели необходимо было: 1) отобрать наиболее

релевантные материалы исследования; 2) проследить исторические подробности отношений Ф.М. Достоевского и Анны Корвин-Круковской; 3) проанализировать национальные, социальные и политические детали биографии писательницы, оказавшие влияние на создание образа Аглаи Епанчиной. В работе использован биографический метод, опирающийся на комплексное применение антропологического и аксиологического подходов. Это позволяет на основании ценных исторических свидетельств проследить жизненный путь Анны Корвин-Круковской. Помимо истории знакомства и общения А. Корвин-Круковской с Ф.М. Достоевским, анализируется также сходство истории Аглаи Епанчиной с дальнейшей судьбой писательницы. В частности, сопоставляется с судьбой героини романа отъезд А. Корвин-Круковской из России, её замужество с В. Жакларом, а также её участие в политической деятельности. В результате исследования подтверждены черты сходства в судьбах писательницы Анны Корвин-Круковской и героини романа Ф.М. Достоевского «Идиот» Аглаи Епанчиной, выделены ранее не описанные биографические аналогии этого сходства. Обоснован вывод: несмотря на то, что наличие автобиографических элементов в произведениях Ф.М. Достоевского неоднократно отмечались исследователями, подробное изучение воспоминаний, переписки и дневников писателя и его современников позволяет провести новые параллели между героями романа и их прототипами.

Ключевые слова: история русской литературы, Достоевский, Анна Корвин-Круковская, Софья Ковалевская, Идиот, братья Карамазовы, журнал Эпоха

Для цитирования: Шевцов Н.В., Нестерова А.С. Кто был прообразом Аглаи Епанчиной? // Концепт: философия, религия, культура. — 2024. — Т. 8, № 2. — С. 153–164. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-2-30-153-164>

Research article

WHO WAS THE PROTOTYPE OF AGLAYA YEPANCHINA?

Nikita V. Shevtsov¹, Aleksandra S. Nesterova²

^{1,2} MGIMO University, Moscow, Russia

¹ n.shevtsov@my.mgimo.ru

² a.nesterova@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0001-5527-1957>

<https://orcid.org/0009-0006-5108-9860>

Abstract. The relevance of turning to the analysis of literary works against the background of biographies of real historical figures is determined primarily by the need to clarify the cultural background, concentratedly presented in artistic refraction. The purpose of this study is to trace new parallels in the lives of the female character of Dostoevsky's novel *The Idiot* Aglaya Yepanchina and the writer Anna Korvin-Krukovskaya. To achieve this goal, it was necessary: 1) to select the most relevant research material; 2) trace the historical details of the relationship between F. M. Dostoevsky and Anna Korvin-Krukovskaya; 3) analyze the national, social, and political details of the writer's biography that influenced the image of Aglaya Yepanchina. The work uses a biographical method based on the integrated application of anthropological and axiological approaches. This allows us to trace the life path of Anna Korvin-Krukovskaya on the basis of valuable historical evidence. In addition to the history of communication between A. Korvin-Krukovskaya and F. M. Dostoevsky, the similarity of the story of Aglaya Yepanchina with the further lifepath of A. Korvin-Krukovskaya is also analyzed. In particular, the emigration of A. Korvin-Krukovskaya from Russia, her marriage to V. Jacquar, as well as her participation in political activities are compared with the fate of the heroine of the novel. As a result of the study, similarities in the lives of the writer Anna Korvin-Krukovskaya and Aglaya Yepanchina, the heroine of Dostoevsky's novel *The Idiot* were confirmed, and previously undescribed biographical analogies of this similarity were highlighted. The following conclusion is substantiated: despite the fact that the presence of autobiographical elements in the works of F. M. Dostoevsky has been repeatedly noted by researchers; a detailed study of the memoirs, correspondence and diaries of the writer and his contemporaries allows us to draw new parallels between the characters of the novel and their prototypes.

Keywords: history of Russian literature, Dostoevsky, Anna Korvin-Krukovskaya, Sofya Kovalevskaya, the Idiot, the Brothers Karamazov, Epoch magazine

For citation: Shevtsov, N. V., Nesterova, A. S. (2024) 'Who Was the Prototype of Aglaya Yepanchina?', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 8(2), pp. 153–164. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-2-30-153-164>

Введение

Несмотря на то, что исследования, посвящённые наследию Фёдора Михайловича Достоевского, занимают солидную нишу не только истории отечественного литературоведения, но также и культурологии, истории отечественной журналистики, филологии и других научных дисциплин, творчество и биография писателя остаются уникальным источником для изучения. В том числе и потому, что прочно вошли в культурное наследие России и всего человечества. Антропологические, аксиологические, религиозные идеи писателя, рассмотренные сквозь призму философии, вызвали к жизни более чем столетнюю дискуссию о специфике соединения литературы и философии в его творчестве. К анализу мировоззрения Ф.М. Достоевского обращались в своих исследованиях многие *fdnjhs*, от Бердяева и Розанова [Бердяев, 2016; Розанов, 1996], до современных исследователей [Евлампиев, 2015; Капилупи, Силантьева, 2015]. Весомый вклад исследование трудов Достоевского внесло в развитие христианской мысли [Лосский, 1953; Гачева, 1997]. В свою очередь, влияние идей Достоевского на мировую культуру стало материалом литературоведческих и культурологических исследований [Бахтин, 1963; Дровалева, 2020; Захаров, 2021].

Отдельное место в изучении наследия Достоевского занимает обращение к биографии писателя [Захарова, 2021; Тихомиров, 2018]; отдельное внимание уделяется культурным особенностям эпохи и их связи с творчеством великого писателя. Особый интерес в этом контексте представляет соотнесение реальных событий и историй человеческих судеб с сюжетом, образами и героями его художественных произведений. Автобиографические элементы в произведениях Ф.М. Достоевского неоднократно выделялись исследователями [Гроссман, 1963; Целовальникова, 2010], традиция поиска новых деталей судьбы и

творчества, заложенная почти столетие назад, не угасла и в наши дни. Новые материалы и детали в соотношении судеб героини романа «Идиот» Аглаи Епанчиной и её прототипа писательницы Анны Корвин-Круковской, в замужестве Жаклар, описала ещё её сестра С.В. Ковалевская¹, а также российский и советский публицист и книговед И.С. Книжник-Ветров [Книжник-Ветров, 1931].

Данное исследование продолжает обозначенную выше тему. Оно стало возможным благодаря посещению авторами усадьбы Полибино, расположенной в нескольких десятках километров от старинного города Великие Луки. Именно в этом усадебном доме, который в середине XIX в. приобрёл генерал-лейтенант-от-артиллерии В.В. Корвин-Круковский, провели свои детские и юношеские годы сёстры Софья и Анна.

Биографический метод, опирающийся на комплексное применение антропологического и аксиологического подходов, позволил авторам не только проследить за судьбой Анны Корвин-Круковской, но и соотнести её с историей жизни героини романа «Идиот» Аглаи Епанчиной. В статье также анализируются воспоминания, переписка и дневники А.В. Корвин-Круковской, С.В. Ковалевской, Ф.М. Достоевского, А.Г. Достоевской и других современников писателя, а также труды ряда исследователей творчества Ф.М. Достоевского.

Данная статья ставит своей целью установить новые параллели в судьбах героини романа Ф.М. Достоевского «Идиот» Аглаи Епанчиной и писательницы Анны Корвин-Круковской. Раскрытие дополнительных обстоятельств жизни писательницы позволяет соотнести их с историей персонажа романа и проанализировать влияние автобиографических элементов на творчество Ф.М. Достоевского. Представленные в статье аналогии в судьбах писательницы и героини романа дополняют сложившийся взгляд [Гроссман, 1963] на влияние Анны Корвин-Круковской в конструировании образа Аглаи Епанчиной.

¹ Ковалевская С.В. Дневники. Нигилистка. — Москва: Эксмо, 2023. — 320 с.

Анна Корвин-Круковская, старшая сестра математика Софьи Ковалевской (урождённой Корвин-Круковской), хоть и не достигла громких успехов в науке, оставила свой след в русской литературе. Известно, что она послужила музой великого русского писателя Ф.М. Достоевского, предположительно став прообразом одной из самых ярких героинь его произведений, Аглаи Епанчиной, которая в романе «Идиот» едва не вышла замуж за князя Мышкина. Анна Корвин-Круковская состояла в переписке с Ф.М. Достоевским, писала рассказы в его журнал «Эпоха», неоднократно встречалась с писателем и даже получила от него предложение вступить в брак. Впечатление, произведённое Анной на писателя, оказалось настолько сильным, что Достоевский вывел её в образе Аглаи Епанчиной, одной из героинь романа «Идиот».

Сёстры Анна и Софья Корвин-Круковские были разными по своим увлечениям. Если Софью уже в раннем возрасте интересовали точные науки, то Анна с юношеской поры приобщилась к литературному творчеству. Причём она писала втайне не только от родителей, но и от младшей сестры, которая, впрочем, в дальнейшем также проявила интерес к литературе, оставив мемуары — «Воспоминания детства» и несколько повестей.

Анна была на редкость привлекательна, стройна, «отличалась замечательной красотой и гордым характером» [Гроссман, 1963: 323]. Девушка, если можно так сказать, знала себе цену. В то же время она горевала, что пора её девичьего расцвета приходится на пребывание в далёкой усадьбе, на жизнь за толстыми стенами господского дома. А потому ей ничего не оставалось, как давать волю своему воображению. «... Наш деревенский дом, огромный и массивный, с башней и готическими окнами, был построен немного во вкусе средневекового замка»², — писала Софья Ковалевская. На романтическую Анну он производил колоссальное впечатление.

Она чувствовала себя сказочной принцессой, оказавшейся во временах Средневековья. И неслучайно в письмах называла усадьбу не иначе как «Chateau Polibino».

В башне усадебного дома в уединении она предавалась собственным мечтам и здесь же, скорее всего, возникали сюжеты её повестей и рассказов. И ещё она много читала, буквально проглатывая книги и журналы, хранившиеся в усадебной библиотеке.

В Полибино семья Корвин-Круковских, как писала С. Ковалевская, получала из периодических изданий «лишь самые степенные и солидные» «Revue des deux Mondes» и «Atheneum» из иностранных, «Русский вестник» из отечественных. В виде большой уступки духу времени отец согласился в нынешнем году подписаться на «Эпоху» Достоевского»³. Писатель начал издавать его в 1864 г. Журнал быстро приобрёл популярность среди читателей. Сам Достоевский опубликовал в нём свои знаменитые произведения «Записки из подполья» и «Крокодил». В «Эпохе» увидела свет и «Леди Макбет Мценского уезда» Н. Лескова.

Судя по всему, появление «Эпохи» в библиотеке Корвин-Круковских сыграло особую роль в жизни Анны. Журнал ей очень понравился, и она решила предложить ему свой первый литературный опыт — рассказ «Сон»⁴. Анна сделала решительный и весьма рискованный шаг. Она понимала, что вызовет гнев родителей, прежде всего отца, если станет известно, что их дочь сотрудничает с журналом, пусть даже и широко известным — пишет для него прозу. Надо учитывать, какое положение занимали в то время женщины в общественной жизни, они были практически отстранены от неё, их воспитание и образование происходило в условиях полной изоляции от остального мира, в пределах усадьбы. Могло показаться безумием, что Анна решилась предложить написанное в Полибино петербургскому журналу. Но, полная

² Ковалевская С.В. Дневники. Нигилистка. — Москва: Эксмо, 2023. — С. 82.

³ Там же, с. 97.

⁴ Корвин-Круковская А. В. Сон. // Эпоха. — 1864. — № 8. — С. 1–24.

желания проявить себя, она всё же отравила, никому ничего не сказав, свой первый литературный опыт в журнал Достоевского. Так началось сотрудничество барышни из Полибино с великим русским писателем.

Софья Ковалевская вспоминала, как в один из дней её сестра показала ей письмо, полученное от Достоевского. Писатель сообщал, что прочитал присланный рассказ и постарается опубликовать его в ближайшем номере. Интересно, что Ковалевская по памяти воспроизводила содержание письма. И как математик, по свидетельству самой Анны, передала содержание этого не сохранившегося письма с максимальной точностью. Достоевский не знал даже возраста автора присланного рассказа и просил подробнее сообщить о своей жизни в имении. В целом, несмотря на имевшиеся недостатки, писатель сообщал, характеризуя рассказ, что от него «общее впечатление самое благожелательное».

С. Ковалевская с трудом поверила, что её сестра переписывается с одним из «самых выдающихся русских писателей» и даже подумала: «... не дурачит ли меня сестра, чтобы потом посмеяться над моим легковерием?»⁵.

«Теперь я русская писательница», — с восторгом произносила Анна. Эти слова многое значили, тем более в таких отдалённых местах, как окрестности Полибино, и слово «писатель», а тем более «писательница», звучало как нечто сверхъестественное. Никто в тех краях не занимался не только литературной деятельностью, но даже журналистикой.

А через несколько недель после того, как Анна показала письмо от Достоевского, в Полибино получили книжку «Эпохи», № 8 за 1864 год с напечатанным рассказом «Сон», который написала Анна Корвин-Круковская. Естественно, он вышел под псевдонимом «Повесть Ю. О-ва». Анна выбрала псевдоним Юрий Орбелов.

«Сон» повествует о бедной девушке, которая стремится к богатой духовной жизни, но в конце концов погибает. И хотя этот первый писательский опыт Анны мог показаться несколько наивным, тем не менее Достоевский счёл возможным опубликовать его, угадав литературные способности начинающего автора.

И он оказался прав. Гораздо совершеннее и профессионально более зрелым оказался второй рассказ «Михаил», первоначальное название — «Послушник» (оригинальное название не пропустила цензура). В рассказе повествуется о человеке, стремящемся к раскрытию своих творческих возможностей, но не сумевшем сочетать их с монашеским аскетизмом.

В том же году, 14 декабря 1864 г., Достоевский писал после выхода «Михаила» А.В. Корвин-Круковской: «Вам не только можно, но и *должно* смотреть на свои способности *серьёзно*. Вы — поэт. Это уже одно многого стоит, а если при этом *талант* и *взгляд*, то нельзя пренебрегать собою. Одно — учиться и читайте. Читайте книги *серьёзные*. Жизнь сделает остальное»⁶.

Интересно, что даже Ковалевская обращает внимание на то, что описание «Михаила» имеет нечто общее с образом Алеши из «Братьев Карамазовых». Много лет спустя она поделилась своими наблюдениями с Достоевским. «А ведь это, пожалуй, и правда! — сказал Федор Михайлович, ударив себя рукой по лбу, — но, верьте слову, я и забыл о Михаиле, когда придумывал своего Алешу. Разве, впрочем, бессознательно мне он пригрезился», — прибавил он, подумав»⁷.

Однако исследователь И.С. Книжник-Ветров считает, что Достоевский всё же использовал образ Михаила, когда писал об Алеше Карамазове. «Нарочитое изображение Алеши и Зосимы в самых жизнерадостных красках в противовес Михаилу и Амвросию (персонажи рассказа «Михаил», Н.Ш., А.Н.), изображённых

⁵ Там же, с. 107.

⁶ Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2 — Москва: Художественная литература, 1990 — С. 494.

⁷ Ковалевская, с. 112.

в серых пессимистических тонах, позволяет думать, что Достоевский сознательно имел в виду образы Анны Васильевны, когда писал «Братьев Карамазовых» [Книжник-Ветров, 1931: 99].

Тем временем тайное всё же раскрылось. После появления в журнале Достоевского второго рассказа Анны Корвин-Круковской в Полибино произошёл скандал. В усадьбу на имя экономки пришёл конверт со штемпелем журнала «Эпоха». Подобные послания приходили и раньше, и всякий раз экономка втайне передавала их Анне. Но случилось так, что письмо оказалось в руках отца. Он вскрыл его и к своему ужасу обнаружил деньги — гонорар за рассказы, напечатанные в «Эпохе». Отец не мог поверить в то, что его дочь тайком получает деньги от незнакомого мужчины и состоит с ним в переписке, это противоречило всем правилам приличия, существовавшим в дворянских семьях.

К тому же генерал знал только одну писательницу — графиню Ростопчину. Он видел её, когда в молодые годы она пленяла всех своей красотой, и, конечно же, безнадежно восхищался ею. При этом он в целом с презрением относился к женщинам-писательницам, подозревая их в проступках, которые не имеют никакого отношения к литературе. И вдруг его родная дочь становится писательницей.

После случившегося о продолжении переписки между Анной и Достоевским не могло быть и речи. Однако со временем всё успокоилось. Как писала С. Ковалевская: «У нас в семье произошел феномен, часто повторяющийся в русских семьях: дети перевоспитали родителей»⁸. Генерал смягчился и даже согласился прослушать последний рассказ дочери. В гостиной на втором этаже дома в Полибино состоялось чтение повести в семейном кругу. Анна произвела впечатление на родителей, которые наконец поверили в литературные способности дочери. Отец разрешил Анне писать Достоевскому, но при условии, что

он будет просматривать письма. Более того, ей позволили по приезду в Петербург лично познакомиться с писателем. Простили и экономку, которую после случившегося уволили.

Приехав в начале 1865 г. в Петербург вместе с матерью и младшей сестрой, Анна отправила Достоевскому приглашение посетить их. «Милостивый Государь Федор Михайлович, — писала Анна, — я приехала на несколько дней с моей матерью в Петербург и пользуясь Вашим позволением, спешу дать Вам знать, что была бы чрезвычайно рада повидаться с Вами и познакомиться лично» [Книжник-Ветров, 1931: 16].

В назначенный день и час Федор Михайлович нанёс свой первый визит. Хозяева слегка побаивались его, помня слова генерала: «Что мы о нём знаем? Только что он журналист и бывший каторжник» [Гроссман, 1963: 325]. Но все опасения быстро рассеялись. Достоевский, который пользовался всеобщей известностью, сумел легко расположить к себе и пожилых, и молодых.

Писатель много рассказывал о своей жизни, подробно описав минуты, когда с уже завязанными глазами ожидал расстрела на Семёновском плацу; внезапно смертный приговор отменили. Интересно, что примерно о том же рассказывал в доме Епанчиных князь Мышкин, когда разговор зашёл о смертной казни: «Убийство по приговору несоразмерно ужаснее, чем убийство разбойничье! ... Может быть, и есть такой человек, которому прочли приговор, дали помучиться, а потом сказали: "Ступай, тебя прощают". Вот этакой человек, может быть, мог бы рассказать. Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил. Нет, с человеком так нельзя поступать!»⁹.

Рассказывая о своём недуге, писатель вспомнил, что болезнь поразила его после того, как, уже оказавшись на поселении, долго беседовал со своим товарищем-атеистом накануне Пасхи, убеждая его, что «Есть Бог, Есть!»¹⁰. Правда впоследствии

⁸ Там же, с. 116.

⁹ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 6: Идиот: ч. 1–2. — Москва: Правда, 1982. — С. 25.

¹⁰ Ковалевская, с. 125.

Ковалевская слышала версию о том, что падучая поразила его после наказания розгами, которому он подвергся на каторге. Другую причину недуга Достоевского приводит крупный исследователь творчества писателя Л.П. Гроссман. В соответствии с семейными преданиями первый тяжёлый припадок с конвульсиями и потерей сознания, гораздо позже определённый врачами как эпилепсия, случился, когда Достоевский узнал о гибели отца, которого убили собственные крестьяне, хотя официальной версией смерти считался апоплексический удар [Гроссман, 1963: 41]. Вспомним, что и князь Мышкин регулярно переживал припадки. Да и вообще, «для большей жизненности своего героя Достоевский решил наделить его рядом автобиографических черт: своей болезнью, своей внешностью, своей нравственной философией» [Гроссман, 1963: 420].

Бывая у Корвин-Круковских, Достоевский не скрывал своих симпатий к Анне, она отвечала взаимностью — с волнением ожидала каждого визита писателя, и при его появлении ни на кого не обращала внимания. Их роман мог перерасти в супружество, тем более что писатель сделал предложение Анне. Но в дальнейшем, если верить воспоминаниям С. Ковалевской, она охладела к Достоевскому. Его появление не вызывало у неё особых восторгов. Он «совершенно перестал импонировать Анюте», и, увидев его, она продолжала занимать гостей, не отдавая никаких предпочтений писателю, не отвечая ему должной взаимностью. Анна признавалась младшей сестре: «... я не так люблю его, чтобы пойти за него замуж! (...) Его жена должна совсем посвятить себя ему, всю свою жизнь ему отдать, только о нём и думать. А я этого не могу, я сама хочу жить!»¹¹. В этих словах, если они действительно были произнесены, весь характер Анны, стремившейся к независимости и творческому самоутверждению.

Тем не менее незадолго перед возвращением Анны в Полибино Достоевский зашёл проститься с ней, и они обещали друг

другу переписываться. А через полгода в Полибино пришло письмо от писателя, в котором он сообщал, что встретил удивительную девушку, которая согласилась выйти за него замуж. Речь шла об Анне Григорьевне Сниткиной, ставшей второй женой писателя.

Да, Анна не захотела целиком посвящать себя даже человеку, прославившему русскую литературу. Она стремилась к активной общественной жизни и не желала целиком отдать себя семье. А может быть, её оттолкнул от писателя его недуг или разница в возрасте (на момент их знакомства Достоевскому было 43 года, а Анне всего 21 год), версии могут быть разные. Ещё одну версию разрыва писателя с Анной приводит в своих воспоминаниях Анна Григорьевна Достоевская: «На мой вопрос, почему разошлась их свадьба, Федор Михайлович ответил: “Анна Васильевна — одна из лучших женщин, встреченных мною в жизни. Она — чрезвычайно умна, развита, литературно образована, и у неё прекрасное, доброе сердце. Это девушка высоких нравственных качеств; но её убеждения диаметрально противоположны моим, и уступить их она не может, слишком уж она прямолинейна. Навряд ли поэтому наш брак мог быть счастливым. Я вернул ей данное слово и от всей души желаю, чтобы она встретила человека одних с ней идей и была бы с ним счастлива!”»¹². Таким образом из воспоминаний Анны Григорьевны следует, что инициатором разрыва явился всё-таки Достоевский.

В целом знакомство и несостоявшийся брак Анны и Достоевского во многом напоминает случившееся с князем Мышкиным, который ненадолго стал женихом Аглаи Епанчиной. Но писатель не забыл Анну, впечатление, произведенное на него ею, оказалось настолько сильным, что Достоевский вывел её в образе Аглаи Епанчиной, одной из героинь романа «Идиот», который можно рассматривать как «самое лирическое среди крупных созданий Достоевского» [Гроссман, 1963: 429]. Напомним: роман вы-

¹¹ Там же, с. 132, 146.

¹² Достоевская А.Г. Воспоминания — Москва: Художественная литература, 1981. — С. 101.

шел в журнале «Русский вестник» в 1868 г. В первой части романа Достоевский так пишет об Аглае: «... младшей, Аглае, только что исполнилось двадцать. Эта младшая была даже совсем красавица и начинала в свете обращать на себя большое внимание (...) Будущий муж Аглаи должен был быть обладателем всех совершенств и успехов, не говоря уже о богатстве»¹³. Возможно, за этой иронией и скрывается объяснение несостоявшегося брака с Анной Достоевского, в то время не знатного, не богатого и не столь ещё успешного.

Князь Мышкин не скрывал своего восхищения Аглаей: «...вы чрезвычайная красавица, Аглая Ивановна. Вы так хороши, что на вас боишься смотреть»¹⁴. Внешне не только описание несостоявшегося брака, но и вся история знакомства Достоевского с семьей Корвин-Круковских — матерью Елизаветой Федоровной, старшей дочерью Анной и младшей Софьей, — очень напоминает дружеское сближение князя Мышкина с семейством Епанчиных. Вспомним, что главами обеих семейств были генералы, и то и другое семейство состояли из родителей и их дочерей. Правда, в Полибино помимо двух сестёр жил ещё и брат, а третья сестра умерла в младенческом возрасте. А вот что написано в романе о сестрах Епанчиных: «В эти последние годы подросли и созрели все три генеральские дочери... Никто не мог их упрекнуть в высокомерии и заносчивости, а между тем знали, что они горды и цену себе понимают»¹⁵. Сестёр Епанчиных звали Александра, Аделаида и Аглая. Все три имени начинаются на «А», так и хочется прибавить к ним Анну. Да и дальнейшая судьба Аглаи Епанчиной весьма похожа на случившееся с Анной Корвин-Круковской, которая после расставания с Достоевским прилагала огромные усилия, чтобы покинуть Полибино. «Она горячо доказывала, что из того, что отцу её надо жить в имении, не следует ещё, чтобы и ей надо запереться в деревне, где у неё нет ни дела, ни веселья»¹⁶.

Выйти из создавшейся ситуации, считали сестры, можно было, лишь вступив в фиктивный брак, который бы позволил им уехать за границу и получить образование. Поиск будущих фиктивных мужей происходил втайне от родителей, в условиях строжайшей конспирации. Возможных избранников называли «консервами». Но даже фиктивный муж должен был соответствовать некоторым условиям, в частности происходить из дворян и занимать определённое положение.

На помощь сёстрам пришла их подруга М.А. Бокова-Сеченова. Дочь генерала Обручева, она обвенчалась с врачом П.И. Бокковым, дружившим с Чернышевским. В дальнейшем, обучаясь медицине, она влюбилась в своего учителя, знаменитого физиолога И.М. Сеченова и стала его гражданской женой [Румянцев, 2017: 109].

Бокова-Сеченова познакомила Анну со своим приятелем, врачом-эпидемиологом Владимиром Онуфриевичем Ковалевским. Но когда Анна пришла на очередную встречу с ним вместе с младшей сестрой, которую впервые увидел Ковалевский, тот заявил, что готов «жениться» не на Анне, а на Софье. Пришлось подчиниться. При этом Ковалевский увидел в сёстрах «личностей далеко не обыкновенных... Это сильно работающие и замечательно развитые существа» [Книжник-Ветров, 1931: 28]. Софья объявила родителям о своём женихе. Их свадьба состоялась в Полибино.

После этого Анна уезжает вместе с вышедшей замуж сестрой за границу. В Париже она знакомится со студентом-медиком Шарлем-Виктором Жакларом и вскоре становится его женой. Жаклар принимает активное участие в революционном движении. Анна полностью разделяет политические взгляды своего супруга, она становится членом Русской секции Первого Интернационала. Более того, как и её супруг, она присоединяется к участникам Парижской коммуны. После падения Коммуны муж Анны, активный коммунар,

¹³ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 6: Идиот: ч. 1–2. — Москва: Правда, 1982. — 19, 42.

¹⁴ Там же, с. 83.

¹⁵ Там же, с. 18–19.

¹⁶ Ковалевская, с. 99.

попадает в тюрьму Шантие в Версале, его приговаривают к смертной казни. Однако Жаклару удаётся бежать в Швейцарию, чему в немалой степени способствовала помощь отца его супруги, генерала Корвин-Круковского, который дал деньги на подкуп охраны.

Во Франции у супругов родился сын Юрий. Позднее близкому другу семьи Корвин-Круковских С.И. Ломанскому удалось встретиться с сыном Анны. С грустью Ломанский писал, что Юрий «живёт на ферме у крестьянина, очень неразвитого... Юрий занимается больше уходом за лошадьми, по его манерам, жаргону он производит впечатление молодого конюха. Вот что вышло из генеральского внука и сына барышни-аристократки благодаря демократизму и социализму В. Жаклара... Юрик не унывает, его не стесняет отсутствие знаний и воспитания». Никто не знает о дальнейшей судьбе сына Анны Жаклар [Румянцева, 2017: 52–53].

Аглая Епанчина во многом повторила случившееся с Анной Корвин-Круковской. Вот что упоминается о ней в заключительных страницах романа «Идиот»: уехав в Париж, Аглая Епанчина «после короткой и необычайной привязанности к одному эмигранту, польскому графу, вышла вдруг за него замуж, против желания своих родителей, если и давших, наконец, согласие, то потому, что дело угрожало каким-то необыкновенным скандалом (...) Оказалось, что этот граф даже и не граф, а если и эмигрант действительно, то с какой-то тёмною и двусмысленною историей. Пленил он Аглаю необычайным благородством своей истерзавшейся страданиями по Отчизне души, и до того пленил, что та, ещё до выхода замуж, стала членом какого-то заграничного комитета по восстановлению Польши, и сверх того, попала в католическую исповедальню какого-то знаменитого патера, овладевшего её умом до иступления. Колоссальное состояние графа... оказалось совершенно небыва-

лым. Мало того, в какие-нибудь полгода после брака граф и друг его, знаменитый исповедник, успели совершенно поссорить Аглаю с семейством»¹⁷.

Итак, и Анна, и Аглая уезжают в Париж, там обе выходят за иностранцев, оба мужа активно занимаются политической деятельностью. Жёны полностью разделяют взгляды своих супругов и приобщаются к их борьбе. Но ни один из мужей не располагает крупными финансовыми средствами. Кроме того, Книжник-Ветров писал, что Анна «помогала работе польской партии “Пролетариат”, служа вместе с В. Жакларом её связью между Парижем и Варшавой [Книжник-Ветров, 1931: 100]. Так что и Анна, и Аглая действительно имели отношение к польской политической оппозиции.

Но если Аглая, как следует из романа, порывает со своей семьёй, то Анна, наоборот, возвратившись в начале 70-х годов вместе с мужем в Россию, восстанавливает добрые отношения с автором «Идиота». Более того, с ней познакомилась и Анна Григорьевна. Они «подружились и искренне полюбили друг друга»¹⁸. Причём общались не только в Петербурге, но и в Старой Руссе, где обе семьи проводили лето.

Анна, как и её сестра Софья, продолжала заниматься литературой и советовалась с Достоевским. Она не забыла о том, какое влияние оказал на неё в ранней молодости писатель, и считала, что общение с ним «много ценного в ней тогда пробудило, осветило ей многое в окружающей жизни... наметило ей впереди цели желанных достижений». В письме от 29 сентября 1878 г. Анна Васильевна называла Достоевского и его супругу друзьями, «от которых не хотелось бы утаивать и близко касающихся предметов»¹⁹.

Достоевский всю жизнь восхищался Анной Корвин-Круковской: «И нужно признать, что в ряду женщин, пленивших Достоевского, Анна Васильевна Корвин-Круковская была одной из самых выдающихся и даровитых» [Гроссман, 1963: 322–323].

¹⁷ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 7: Идиот: ч. 3–4. — Москва: Правда, 1982. — 312–313 с.

¹⁸ Достоевская, с. 101.

¹⁹ Достоевский в воспоминаниях, с. 494–495.

Однако в России не всё складывалось благополучно для семьи Жаклар. В результате неудачных финансовых операций Жаклар практически истратил приданое своей супруги. К материальным потерям прибавились неприятности иного рода. В марте 1887 г. Жаклар в силу своей политической неблагонадёжности получил предписание от министра внутренних дел в течение трёх дней выехать из России. Благодаря помощи А.Г. Достоевской, написавшей письмо жене обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева с просьбой продлить пребывание Жаклара в России, удалось добиться отсрочки его выезда, в целом, как писала А.Г. Достоевская, «судьба Анны Корвин-Круковской сложилась печально»²⁰ [Достоевская, 1981: 102]. Она не смогла пережить обрушившиеся на неё лишения, которые сильно подорвали её здоровье. В 1887 г., по приезде в Париж, она умерла. Свою литературную деятельность Анна Васильевна закончила в журнале «Северный вестник», где были напечатаны её последние рассказы «Записки спирита» и «Фельдшерица».

Подводя итог, отметим, что знакомство Ф.М. Достоевского с Анной Корвин-Круковской оказало существенное влияние на формирование образа и судьбы Аглаи. Можно провести дополнительные параллели не только с описанным ранее общением писателя с семьёй генерала и его неудавшийся брак с его дочерью, «полной совершенств». Находят подтверждение также параллели, состоящие в отъезде обеих девушек из России, их замужестве с иностранцами и особенностях их дальнейшей политической деятельности, что открывает возможность нового, более глубоко взгляда на творчество писателя, творческая лаборатория которого насыщалась фактами культуры своей эпохи, перерабатывая их в литературных и философско-антропологических исканиях таких произведений, как «Идиот» и «Братья Карамазовы».

Тем временем в Полибино, ныне превращённом в музей С. Ковалевской, своё скромное место занимает экспозиция, посвящённая отношениям между Анной Корвин-Круковской и великим русским писателем Ф.М. Достоевским.

Список литературы:

- Бердяев Н.А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. — Москва: Эксмо, 2016. — 509 с.
- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. — Москва: Советский писатель, 1963. — 362 с.
- Варламова Д.В. К полемике о женском вопросе во второй трети XIX века: журнал Ф.М. и М.М. Достоевских «Время» // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. — 2016. — № 8. — С.45–49.
- Гачева А.Г. Творчество Достоевского и русская религиозно-философская мысль конца XIX — первой трети XX века // Достоевский и XX век. Т. 1. — Москва: ИМЛИ РАН, 2007. — С. 18-96.
- Гроссман Л.П. Достоевский — Москва: Молодая гвардия, 1963. — 544 с.
- Достоевский и XX век // Под редакцией Т.А. Касаткиной. — В 2-х томах. — Т. 1. — Москва: ИМЛИ РАН, 2007. — 752 с.
- Дровалева Н.А. Ф.М. Достоевский в художественном сознании и критической деятельности В.Я. Брюсова // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. — 2020. — № 9. — С. 40–52. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2020-9-40-52>
- Евлампиев И.И. Главный принцип философии человека Ф. Достоевского // Соловьёвские исследования. — 2015 — № 2 (46). — С. 20–35.
- Заваркина М.В. Неустановленные имена в “первой” записной тетради Ф.М. Достоевского (1864–1865 гг.) // Неизвестный Достоевский. — 2021. — Т. 8, № 2. — С. 107–121. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2021.5461>

²⁰ Достоевская, с. 102.

Захаров В.Н. Актуальность Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. — 2021. — № 1. — С. 5–20. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2021.5321>

Захарова О.В. Атрибуция в зеркале статистики: анонимные статьи в журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» // *Неизвестный Достоевский*. — 2021. — Т. 8, № 2. — С. 81–106. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2021.5481>

Книжник-Ветров И.С. А.В. Корвин-Круковская (Жаклар) — Москва: Издательство Политкаторжан, 1931. — 116 с.

Капилупи С.М., Силантьева М.В. Экзистенциальный реализм в литературе, философии и культуре XIX-начала XX вв.: рецепция традиции (А. Мандзони, Ф.М. Достоевский и Н.А. Бердяев) // *Ricerche slavistiche*. — 2015. — № 13. — С. 129–152.

Касаткина Т.А. Роль художественной детали и особенности функционирования слова в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. — Москва: Наследие, 2001. — С. 60–99.

Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. — Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1953. — 409 с.

Розанов В.В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. — Москва: Республика, 1996. — 701 с.

Румянцева В.П. Будни сельского музея — Великие Луки: ООО «Великолукская типография», 2017. — 214 с.

Сапельников А. В. Имена героев романа Ф. М. Достоевского «Идиот» // Вестник Новгородского государственного университета. — 2005. — № 33. — С. 69–72.

Тарасова Н.А. Проблемы изучения рукописного и печатного текста романа Ф.М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. — 2018. — № 2. — С. 10–43. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2018-2-10-43>

Тихомиров Б. Н. Петербургские адреса и адресаты Достоевского (К проблеме краеведческого комментирования адресных записей писателя). Статья вторая // *Неизвестный Достоевский*. — 2018. — Т. 5, № 3. — С. 56–105. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2018.3701>

Целовальникова Д.Н. Особенности мемуарного повествования в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. — 2010. — Т. 10, № 2. — С. 69–74.

References:

Bakhtin, M. M. (1963) *Problemy poetiki Dostoyevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Sovetsky Pisatel Publ. (In Russian).

Berdyaev, N. A. (2016) *Russkaya idea. Mirosozercanie Dostoyevskogo* [Russian Idea. Dostoevsky's Worldview]. Moscow: Exmo Publ. (In Russian).

Capilupi, S. M. and Silantyeva, M. V. (2015) 'Ekzistentsial'nyy realizm v literature, filosofii i kul'ture XIX — nachala XXI vv.: traditsiya retseptsiy (A.Mandzoni, F.M.Dostoyevskiy i N.A.Berdyaev) [Existential realism in literature, philosophy and culture of the 19th – early 20th centuries: the rec', *Ricerche slavistiche*, 13, pp. 129–152. (In Russian).

Drovalova, N. A. (2020) 'F.M. Dostoevskii in the artistic conscience and criticism of V.Ya. Bryusov', *RSUH/ RGGU Bulletin. 'Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies' Series*, (9–1), pp. 40–52. (In Russian). <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2020-9-40-52>

Evlampiev, I. I. (2015) 'The main principle of F. Dostoevsky's Philosophy of Man', *Solov'evskie issledovaniâ*, (2), pp. 20–35. (In Russian).

Gacheva, A. G. (2007) 'Tvorchestvo Dostoyevskogo i russkaya religiozno-phylosophskaya mysl kontsa 19 – pervoy trety 20 veka' [The work of Dostoevsky and Russian religious and philosophical thought of the late 19th – first third of the 20th century], in *Dostoyevsky i XX vek. T. 1* [Dostoevsky and 20th century. Vol.1]. Moscow: IMLI RAN Publ., pp. 18–96. (In Russian).

Grossman, L. P. (1963) *Dostoyevsky*. Moscow: Molodaia gvardiia Publ. (In Russian).

Kasatkina, T. A. (2001) 'Rol hudozhestvennoj detali i osobennosti funkcionirovaniya slova v romane F. M. Dostoyevskogo «Idiot» [The Role of the Artistic Image and the Peculiarities of Functioning of the Word in F.M. Dostoevsky's Novel "The Idiot"]', in *Roman F. M. Dostoyevskogo «Idiot»: sovremennoe sostoyanie izucheniya. Sb. rabot*

otechestvennyh i zarubezhnyh uchenykh [F.M. Dostoyevsky's Novel "The Idiot": Modern State of Studying. Collection of Russian and Foreign Researchers' Works]. Moscow: Nasledie Publ., pp. 60–99. (In Russian).

Knizhnik-Vetrov, I. S. (1931) *A.V. Korvin-Krukovskaya (Jaclard)*. Moscow: Izdatel'stvo Politkatorzhan Publ. (In Russian).

Lossky, N. O. (1953) *Dostoevskij i ego hristianskoe miroponimanie* [Dostoevsky and his Christian worldview]. New York: Izdatel'stvo imeni Chekhova Publ. (In Russian).

Rozanov, V. V. (1996) *Sobranie sochineniy. Legenda o Velikom Inkvizitore F. M. Dostoyevskogo* [Collected Works. The Legend of the Grand Inquisitor by F. M. Dostoevsky]. Moscow: Respublika Publ. (In Russian).

Rumyantseva, V. P. (2017) *Budni sel'skogo muzeya* [Everyday Life of the Provincial Museum]. Velikie Luki: Velikolukskaia tipografiia Publ. (In Russian).

Sapelnikov, A. V. (2005) 'Imena geroev romana F. M. Dostoyevskogo «Idiot» [The heroes' names in the text of the of Dostoevsky's novel "Idiot"]', *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, (33), pp. 69–72. (In Russian).

Tarasova, N. (2018) 'Problems of studying the handwritten and printed text of Dostoevsky's novel «Idiot»', *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, 1(2), pp. 10–43. (In Russian). <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2018-2-10-43>

Tikhomirov, B. N. (2019) 'Dostoevsky's addresses and addressees in Petersburg (On the problem of regional commentary of address records of the writer). Article two', *The Unknown Dostoevsky*, 5(3), pp. 56–105. (In Russian). <https://doi.org/10.15393/j10.art.2018.3701>

Tselovalnikova, D. N. (2010) 'Peculiarities of Autobiographical Narration in F.M. Dostoyevsky's Novel «Idiot»', *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 10(2), pp. 69–74. (In Russian).

Varlamova, D. (2016) 'Towards a Debate on the Women's Issue in the XIX Century: The Magazine of F. and M. Dostoevsky "Vremya"', *RSUH/RGGU bulletin. Series: History, philology, cultural studies, oriental studies*, (8), pp. 45–49. (In Russian).

Zakharov, V. (2021) 'The Relevance of Dostoevsky', *The Unknown Dostoevsky*, 8(1), pp. 5–20. (In Russian). <https://doi.org/10.15393/j10.art.2021.5321>

Zakharova, O. (2021) 'Attribution in the Statistics Mirror Anonymous Articles in the "Vremya" and "Epokha" Journals Published by the Dostoevsky Brothers', *The Unknown Dostoevsky*, 8(2), pp. 81–106. (In Russian). <https://doi.org/10.15393/j10.art.2021.5481>

Zavarkina, M. (2021) 'Unidentified Names in the "First" Notebook of F. M. Dostoevsky (1864–1865)', *The Unknown Dostoevsky*, 8(2), pp. 107–121. (In Russian). <https://doi.org/10.15393/j10.art.2021.5461>

Информация об авторах

Никита Всеволодович Шевцов — кандидат исторических наук, заместитель заведующего кафедрой международной журналистики МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Александра Сергеевна Нестерова — преподаватель кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Nikita V. Shevtsov — PhD in History, Deputy Head of the International Journalism Department, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Aleksandra S. Nesterova — Lecturer of the International Journalism Department, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 07.04.2024; одобрена после рецензирования 16.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

The article was submitted 07.04.2024; approved after reviewing 16.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.